

УДК 332.05

РОЛЬ НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРОМЫСЛОВ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX века*

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 апреля 2012 г.

Аннотация: в статье анализируется роль крестьянских промыслов в экономической жизни деревни Воронежской губернии в последние годы существования Российской империи. Выясняются причины возрастания хозяйственного значения промыслов, дается оценка их экономической и социальной целесообразности.

Ключевые слова: аграрная экономика, крестьянство, Воронежская губерния, начало XX в., экономическая и социальная эффективность.

Abstract: the article investigates the economic role of the non-agricultural labor activities of the peasants of the Voronezh gubernia at the beginning of the 20th century. The author analyses the economic effectiveness and social results of the peasant's industrial activities on the eve of the Russian revolution of the 1917.

Key words: agricultural economy, peasantry, the Voronezh gubernia, the beginning of the 20th century, economic and social effectiveness.

Центральное Черноземье в начале XX столетия оставалось зоной безусловного преобладания земледелия в трудовой деятельности народа. И через полвека после отмены крепостного права свыше 94 % населения Воронежской губернии составляли крестьяне. Природа и плодородные почвы всё еще решающим образом влияли на хозяйственную жизнь этого благодатного угла России. «Экономическая деятельность населения Воронежской губернии, – констатировали в начале прошлого века земские специалисты, – главным образом направлена на земледелие, кустарные и другие промыслы развиты слабо и служат только подспорьем сельскому хозяйству» [1]. После великих реформ 1860–1870-х гг. в России происходили громадные перемены, но в структуре населения и в экономике региона они проявлялись слабо.

Несмотря на благоприятные природно-климатические условия, черноземные губернии оказались в Европейской России зоной экономической, социальной и культурной отсталости. В политической публицистике всё чаще стала обсуждаться проблема «оскудения» земледельческого центра, о бедственном положении воронежской деревни заговорили как в административных, так и в общественных кругах. Тягостное впечатление в русском

обществе вызвали картины крестьянского голода начала 1890-х гг. Выяснилось, что жившие на тучных черноземах крестьяне не имели и, что еще печальнее, не могли иметь хлебных резервов. Двухлетний недород привел к тяжелому народному бедствию. Тема крестьянских лишений активно использовалась как революционными, так и либеральными противниками самодержавия. Широкий резонанс получила небольшая, но темпераментно написанная книга земского врача А. И. Шингарева. Это исследование высокой смертности воронежского крестьянства содержало откровенный упрек власти в пренебрежении нуждами деревни [2].

Власть и общество столкнулись с очевидным фактом: земля при всем своем черноземном плодородии всё хуже обеспечивала материальные условия жизни воронежского крестьянства. В регионе постепенно нарастали тяжелые социально-экономические диспропорции. Одним из видимых парадоксов складывавшегося положения являлось то, что ухудшение аграрной экономики происходило на фоне весьма позитивных демографических сдвигов. После отмены крепостного права и вплоть до крушения монархии в России вообще, а Центральном Черноземье в особенности наблюдались небывало высокие темпы естественного прироста населения. Казалось бы, такой социальный процесс следует определять как явление сугубо позитивное.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-11-36-004а / Ц

© Карпачев М. Д., 2012

Однако современники оценивали ситуацию как очень противоречивую. Прежде всего всё более актуальным становился вопрос о земельном обеспечении многочисленных крестьянских семей. С каждым пореформенным десятилетием обострялась проблема относительной избыточности трудоспособного крестьянства. Если в 1861 г. в губернии проживали примерно 1,8 млн человек, то перепись 1897 г. зафиксировала уже 2,4 млн, в 1905 г. насчитывалось 3,2 млн, а в 1914 г. численность населения достигла 3,8 млн человек. При этом доля крестьянства в составе населения почти не понижалась. Поскольку свободных земель в губернии давно уже не было, то происходило быстрое сокращение душевого надела. С 1861 по 1905 г. он сократился вдвое – с 4,8 до 2,4 десятины.

Одним из печальных следствий данного процесса стало явное ухудшение земельного баланса. Среди сельскохозяйственных угодий быстро возрастала доля пашни. За XIX в. доля лугов и выгонов упала с 36,5 % до 10,2 %, доля леса уменьшилась с 11,9 % до 7,9 %, а вот доля пашни поднялась с 42,9 % до 69,3 % [3, с. 31]. В Бирюченском уезде, например, за два последних десятилетия XIX в. пашня увеличилась с 80 тыс. до 150 тыс. десятин. Рост этот произошел за счет лугов и пастбищ, в итоге поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1890–1902 гг. с 66 032 до 45 019 [4, с. 42]. Понятно, что такая же картина наблюдалась и в прочих уездах. В результате в губернии ухудшилась экологическая ситуация, начало сокращаться животноводство. Без органических удобрений природная сила черноземов стала быстро истощаться. Словом, на страну надвигались тяжелые аграрные проблемы. «Совокупное бремя чрезмерной налоговой повинности, социальных и экономических ущемлений и безудержного роста населения, – справедливо отмечает известный американский историк Р. Пайпс, – привели к такому положению, при котором русскому крестьянину было всё труднее кормиться одним сельским хозяйством» [5, с. 221].

Важной особенностью хозяйственной жизни черноземного (как, впрочем, и всего русского) крестьянства являлось преимущественно экстенсивное использование земельных угодий. Экономическое освоение Центрального Черноземья началось относительно поздно, после устранения угрозы набегов татарских и ногайских орд. В XVI–XVIII вв. прибывавшее сюда население не испытывало недостатка в земельных угодьях. Вплоть до отмены крепостного права в южных

уездах Воронежской губернии всё еще имелись резервы пригодной для вспашки земли. Фактор свободного пространства обусловил доминирование земледелия, с одной стороны, и формирование устойчивой традиции искать ключ к увеличению производства продуктов для растущего населения в освоении всё новых земель – с другой. Ситуация стала меняться в пореформенную эпоху. Возможности для экстенсивного земледелия подошли к концу. Отмечая это, выдающийся отечественный статистик и неутомимый работник воронежского земства Ф. А. Щербина писал: «Когда же количество жителей настолько увеличится, что земледельческих продуктов окажется мало для него и под руками не бывает свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно тройкий исход – или усилить производительность той же площади земли, т.е. повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на сторону, или же изыскать, наконец, иные помимо земледелия материальные источники» [6, с. 224].

Всё вроде бы очевидно. Однако за суждениями Щербины скрывался непреложный факт: экономический и культурный подъем региона был невозможен при полном доминировании земледелия. В условиях роста и абсолютного преобладания крестьянского населения нельзя было ответить даже на простой вопрос о пределах достаточности наделной земли. Если, скажем, достаточным следовало признать надел в 15 десятин на крестьянский двор (такой цифрой, кстати говоря, оперировал В. И. Ленин в своих трудах по аграрному вопросу), то повышение до такого уровня всех семейных наделов могло бы, вероятно, удовлетворить собственные потребности большинства крестьянских семей в продуктах земледелия. Потребности всех крестьян не могло бы, конечно, удовлетворить никакое количество земли. В деревне всегда были плохие хозяева, неумелые, маломощные или просто ленивые. Само по себе количество наделной земли не могло свидетельствовать о достатке крестьянского хозяйства. Но если даже отвлечься от личных качеств крестьян и признать, что все они умели и хотели хорошо трудиться, то и тогда так называемые достаточные наделы не могли обеспечить экономического развития региона. При 5–6 % городского населения, узости и малой доступности иных рынков уровень производства неизбежно должен был остановиться на черте, позволявшей удовлетворить скромные потребности самих крестьян. Избыточное производство просто не нашло бы сбыта.

На рубеже XIX–XX вв. аграрная экономика Воронежской губернии определенно заходила в тупик. Систематически повторявшиеся недороды обрекали массы крестьянства на полуголодное существование. Объяснять причины народных бедствий в неурожайные годы не приходилось. В начале 1890-х гг. правительство вынуждено было создать особую комиссию по организации помощи голодающим крестьянам Черноземья и принять чрезвычайные меры по подвозу продовольствия. Но в те же 1890-е гг. в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога совсем иного рода: на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В. З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [7, с. 312].

По мнению многих публицистов и общественных деятелей (а затем и историков), приведенные выше цифровые показатели свидетельствовали о дефиците крестьянской земли. Поэтому наиболее надежным путем решения аграрного вопроса политические оппоненты самодержавия считали ликвидацию крестьянского малоземелья. Предполагалось при этом, что самым эффективным способом решения такой задачи могла быть национализация частных, в первую очередь, помещичьих земельных владений и передача их в пользование крестьянских общин. Но сторонники такой позиции не замечали (или не хотели замечать), что натурально-потребительская экономика была вполне целесообразной тогда, когда основной мотивацией крестьянского двора было обеспечение его жителей необходимым минимумом жизненных средств. При утверждении рыночных отношений она выявила свою полную несостоятельность. Иначе говоря, и при обилии земли региону был бы обеспечен хозяйственный застой. Ликвидация частной собственности и перераспределение земли в пользу малоземельных общинников могли бы, вероятно, несколько повысить уровень их потребления, но с экономической точки зрения такие мероприятия перспектив не имели.

В правительственных сферах, впрочем, доминировал совсем другой подход. Такие авторитетные деятели, как В. И. Гурко, А. С. Кривошеин или сам П. А. Столыпин, считали, что малоземелья в России не было и быть не могло. А было явное обострение

проблемы избыточности крестьянского населения, т.е. явления, которое впоследствии многие специалисты определяли как относительное аграрное перенаселение. С подобной оценкой положения соглашались многие воронежские администраторы и земские специалисты.

Вместе с тем некоторые аналитики отмечали, что крестьянское оскудение не следует понимать упрощенно. Трудности, связанные с дефицитом земельных ресурсов (а точнее, с возрастающей плотностью населения), крестьянство стремилось преодолеть разными путями. Очень медленно, но всё же повышалась эффективность сельскохозяйственного труда. Среднегодовые сборы хлебов имели тенденцию к повышению. Возрастали общие размеры пашни. И всё же сельскохозяйственное производство не успевало за ростом материальных потребностей крестьянского населения. Официальная и земская статистика дружно свидетельствовала, что урожайность зерновых культур у воронежских крестьян-общинников оставалась на очень низком уровне, в среднем около 50–60 пудов с десятины (т.е. 7–8 ц с га). «Несмотря на лучшую в мире почву, – констатировал воронежский исследователь Ф. К. Рындин, – низкая сельскохозяйственная культура не прокармливает 50 человек на квадратной версте (Бельгия на версте кормит 250 человек), а слабо развитая промышленность не может занять свободных от земледелия рук и гонит их из дома на сторону искать заработка» [3, с. 57].

Путь к повышению аграрной культуры был долгим, а в условиях господства общинных порядков и невероятно трудным. И дело не только в природной косности общинного крестьянина. И даже не столько в ней, сколько в традиционном характере крестьянской экономики. Главной хозяйственной целью крестьянина-общинника являлось натуральное удовлетворение потребностей его семьи в жизненных ресурсах. Общинная организация производства была вполне целесообразной, но только в рамках натурально-потребительского хозяйства.

К рубежу XIX–XX вв. натурально-потребительский тип хозяйства всё более теснился рыночным. В таком соревновании земледелие явно проигрывало. Откровенно слабая эффективность сельскохозяйственного труда становилась всё более очевидной. По подсчетам статистического отделения губернской земской управы, доходность десятины пашни упала до катастрофически низких величин. Земские статистики, главой которых на протяжении двадцати лет был признанный мастер своего дела

Ф. А. Щербина, информировали в 1895 г. управу, что средний размер долгосрочной аренды одной десятины земли в губернии равнялся 4 руб. 45 коп. Поскольку долгосрочная аренда падает на все виды угодий и учитывает хозяйственные риски, постольку она близко выражает собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2 % долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4 % этой доходности, т.е. из каждых 4 руб. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 руб. 45 коп., а на погашение идет 3 рубля» [8].

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб. или почти по 71 руб. на двор. «У частных владельцев, – с горечью констатировали земцы, – за покрытием задолженности и платежей остается по 1 руб. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 руб. 54 коп. на десятину» [там же, л. 148].

О бездоходности крестьянских посевов неоднократно с тревогой говорили многие специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянских наделов не превышали 50 пудов с десятины, а за вычетом посевного зерна, чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд) едва их покрывала [9, с. 8].

Приведенные удручающие цифры убедительно свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в земледельческом секторе было еще очень далеко. Впрочем крестьянская общинная экономика никогда и не была рыночной. Основная цель крестьянского земледелия заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно более низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим, так сказать, в натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин-общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и выходил на рынок лишь вследствие вынужденных обстоятельств, причем не только в качестве продавца, но и покупателя. Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности

населения в Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале века составляли 53 руб. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 руб. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд 27 руб. 35 коп., т.е. в сутки на личное потребление тратилось всего 7 коп. [8, л. 152]. По размерам душевого дохода средний воронежский крестьянин в семь раз уступал душевому доходу англичанина, в шесть с половиной раз доходу француза и почти в шесть раз – доходу жителя Германии [3, с. 66]. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Однако деньги всё же крестьянам были нужны. Прежде всего надо было платить налоги – казенные, земские и мирские. Кое-что требовалось приобретать и из изделий промышленности. И чем более разнообразным становилось предложение города, тем более острой становилась потребность в деньгах. И крестьяне знали способы их получения. Податной инспектор Воронежского уезда в 1896 г. отмечал: «Если спросить толкового крестьянина о его натуральном и денежном бюджете, о том, с чего он кормится и откуда уплачивает разные «подати», ответ будет почти всегда один: сам кормлюсь, семью и скот кормлю с земли, «подати» отбиваю, скотину продавши или какую работу сделавши» [10, с. 34].

Рост прямых и косвенных налогов был, несомненно, важным стимулятором поиска крестьянством дополнительных денежных доходов. В 1900 г. сумма прямых налогов крестьян Воронежской губернии достигла 7 млн руб. [11, с. 143]. Если учесть, что количество дворов воронежских крестьян превысило 350 тыс., то средняя сумма прямых налогов составляла примерно 20 руб. Цифра, вроде бы, небольшая даже по отношению к скромному годовому денежному доходу среднего крестьянского двора (около 10 %). Но если учитывать натурально-потребительский, а не рыночный характер крестьянского производства, то налоговое бремя выглядело нелегким. Тяжесть его усугублялась большими недоимками, сумма которых превысила в начале XX в. 10 млн руб. При малой доходности земледелия выручить воронежских крестьян могли только промыслы и отчасти животноводство.

С течением времени шансы на увеличение прибыльности земледелия становились в Воронежской губернии всё более призрачными. Быстрое

сокращение душевого земельного обеспечения для многих крестьянских хозяйств оборачивалось нарастающим оскудением. Но отнюдь не всегда. Ответы на вызовы времени могли быть разными. Часть крестьян попросту беднели. Но было немало и тех, которые начинали усиленно искать выходы из создавшегося положения. Поскольку земледелие в регионе становилось занятием малоприбыльным, постольку наиболее энергичные крестьяне начинали вести активную промысловую деятельность. К концу XIX в. стало очевидным, что материальное благополучие не связано непременно с количеством имевшейся в распоряжении двора земли. Это наглядно проявилось в положении так называемых дарственников, т.е. крестьян, принявших после отмены крепостного права бесплатный, но уменьшенный вчетверо душевой надел. По распространенному мнению, положение таких крестьян должно было стать просто бедственным. Однако еще Ф. А. Щербина разглядел, что в Острогском уезде многие дарственники ведут полнокровное хозяйство, а их жизненный уровень ничуть не ниже, чем у многоземельных крестьян бывшей государственной деревни [6, с. 240]. Современная исследовательница О. Н. Бурдина также приводит данные о том, что в Воронежской и Курской губерниях основные хозяйственные показатели дарственников оказались лучшими, чем у многих крестьян со средними душевыми наделами [12, с. 104].

За счет чего же крестьяне покрывали недостаток земельного ресурса? Прежде всего, конечно, за счет занятия неземледельческими промыслами. По данным статистиков Воронежского губернского земства В. И. Бузина и Н. П. Гвоздева, из 100 человек крестьянского населения губернии 80 человек занимаются исключительно хлебопашеством, 13 человек, занимаясь хлебопашеством, в то же время прирабатывают на стороне, нанимаясь в большинстве случаев на сельскохозяйственные работы, и 7 человек «занимаются исключительно промыслами, как-то ремесленными, кустарными, наймом на фабрики, заводы, в прислуги и т.п.» [13, с. 19].

Ощутимый избыток трудоспособного населения был зафиксирован в начале XX в. Свод статистических материалов, подготовленный канцелярией Комитета министров, вычислил, что в Воронежской губернии есть 105 271 работник, «которые оказываются лишними при обработке наибольшей площади посевов, и 40 284 работников совсем не причастных к земледелию». По данным, собранным правительственной комиссией, исследовавшей в конце XIX в. положение сельского населения

Центрального Черноземья, уровень относительной избыточности рабочей силы в регионе превысил 60 % [10, с. 24].

Данный резерв «лишних» рабочих рук как раз и прилагался к промысловой деятельности. Незаритость же торгово-промышленной жизни толкала большинство свободных от земледелия тружеников к отходу из губернии. Воронежских крестьян можно было встретить на заработках в Донской области, на Северном Кавказе, на шахтах Донбасса, во многих городах Центральной России. Если в 1898 г. на отхожие заработки из губернии ушли примерно 130 тыс. человек, то в 1901 – уже свыше 160 тыс. [14, с. 73]. В среднем по губернии в отхожих промыслах участвовали почти 10,5 % всего мужского населения [там же, с. 75]. В уездах с более высокой плотностью населения (например, в Задонском) доля отходников была еще выше.

Многие из промыслов оказывались гораздо более доходными, чем земледелие. Иначе, впрочем, при возраставшем аграрном перенаселении быть не могло. Пока земледелие оставалось основным занятием громадного большинства сельских тружеников, оно не могло быть прибыльным делом. Напротив, промыслы оказывались с этой точки зрения куда более перспективными, особенно, если произведенная в неземледельческой сфере продукция находила устойчивый спрос. Для примера можно указать на производство сапог крестьянами слободы Бутурлиновки. К концу 1870-х гг. в этой слободе проживали уже почти 20 тыс. человек, шили они в год от 800 тыс. до миллиона пар сапог. Цена одной пары колебалась от 2 до 3,5 руб. Семья, в которой постоянно работали мастер с помощником, зарабатывала в год примерно 250 руб. [15, с. 75]. Очевидно, что трудозатраты пахаря, получающего чистый доход в 3–4 руб. с десятины, и мастера, получающего те же деньги от пошива пары сапог, просто несопоставимы.

Наблюдатели, впрочем, отмечали, что при слабой экономике губернии наиболее прибыльными занятиями были ростовщические и торговые операции, но не производство. Видный общественный деятель В. А. Перелешин отмечал в начале XX в.: «Нажива и рост кулачского капитала держатся главным образом на торговых операциях и вообще на так называемых процессах первоначального накопления капитала». Самые высокие доходы оказывались «у тех промышленников, которые имеют отношение к этой темной области наживы на счет народного производства и крестьянского труда» [16, с. 17]. По подсчетам земских специа-

листов, торгово-посреднической деятельностью занимались всего 5,48 % всех крестьян, занятых в неземледельческих промыслах, а сумма их заработков составляла 22,7 % доходов, полученных от такого рода занятий [там же, с. 16].

Неземледельческий заработок становился для крестьян едва ли не единственным выходом из возраставших экономических затруднений. Причем избыток трудоспособного населения в губернии толкал всё большее число работников к поиску заработков за ее пределами. К отходу на заработки из губернии побуждала крестьян и общая неразвитость рыночных отношений в крае. Низкая покупательная способность населения затрудняла развитие местной промысловой деятельности. Поэтому всё более значительные массы трудоспособного населения прибегали к отходу. Наиболее доступным и понятным для местного крестьянства был, естественно, сельскохозяйственный отход. Тем более, что возможностей для успешного отхода к концу XIX в. становилось всё больше: сказывалось интенсивное хозяйственное освоение степных просторов Области Войска Донского, Кубани, Новороссийского края. Ф. А. Щербина подчеркивал, что до начала 1890-х гг. в отхожие промыслы регулярно уходили от 65 до 80 тыс. крестьян. В голодные же годы (1891 и 1892) «количество уходящих в отхожие промыслы рабочих удваивается» [17, с. 31]. В последующие годы масштабы и хозяйственное значение отхожих промыслов продолжали возрастать. Об этом свидетельствовали материалы, собранные земскими статистиками, дважды обследовавшими состояние отхожих промыслов в губернии – в 1897 и в 1911 гг. Например, в Воронежском уезде число ушедших на заработки (извоз, строительство, личные услуги и т.п.) выросло более чем в два раза (с 5260 человек до 12 622 человек) [18, с. 23]. В самом Воронеже в начале XX в. абсолютное большинство работников были крестьянами, имевшими право на земельные наделы в своих сельских обществах.

Точные цифры ушедших на отхожие промыслы установить сложно. Тем не менее красноречивые сведения есть о динамике выдачи паспортов крестьянам. Если в 1861–1870 гг. в Воронежской губернии было выдано 243,1 тыс. паспортов, или в среднем за год по 24 тыс., то в последнее десятилетие века их было выдано более 2,1 млн, т.е. почти в десять раз больше [19, с. 222–223]. Такой стремительный рост мобильности населения имел далеко идущие последствия. В деревню приходили деньги, причем во всё возрастающем количестве.

Это, в свою очередь, разрушало натуральный характер общинной экономики, развивало духовные и материальные запросы крестьянства, подрывало традиции сельского коллективизма. На отхожих промыслах крестьяне зарабатывали деньги для себя, в сущности, по индивидуальным контрактам. Побывавшие в отхожих промыслах крестьяне отличались от массы общинников. Они, в частности, уже не признавали господства обычного права. Находясь длительное время за пределами своей деревни, отходники должны были регулировать свои отношения с работодателями на основе общегражданских законов. Кругозор побывавших на промыслах крестьян заметно расширялся, а их правосознание было выше, чем у малоподвижного большинства пахарей-общинников.

Развивались и кустарные местные промыслы. По сведениям 1897 г., в губернии числилось около 50 разных видов домашних промыслов, в которых были заняты 39 тыс. душ. Их годовой заработок доходил до 3 млн руб. По сведениям экономического отдела губернского земства, к 1913 г. число занятых домашними промыслами сильно возросло, а число дворов кустарей достигло 15 тыс. [20, с. 238–239].

Приходится констатировать, что в условиях аграрного перенаселения земледельческие занятия консервировали застои в экономике и в социальных отношениях черноземной деревни. Земля продолжала притягивать к себе основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессивных явлений в хозяйственной и социальной жизни этого богатого земельными ресурсами региона. На фоне развития промыслов земледелие становилось всё менее привлекательным. К тому же полное господство общины не допускало рациональной перестройки в сфере земледельческого производства. Изнурительная чересполосица, длинно- и дальнотелье, принудительный трехпольный севооборот начинали отталкивать всё более значительные группы тружеников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П. А. Столыпина датский специалист А. А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала из земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, – писал Кофод, – на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сел и станиц, убедившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросанных полосах, отдаленных от их

местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои надельные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» [21, с. 3]. Понятно, что в деревне были и те, кто по-прежнему дорожил землей и даже брал ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия. Но, как видно, неудержимо росла прослойка и тех крестьян, над которыми пресловутая власть земли начинала терять свою силу. Материальные выгоды промыслов, их возрастающее многообразие всё более активно нарушали патриархальный покой крестьянской жизни.

Развитие неземледельческих промыслов меняло отношение крестьян к земле. Более высокая доходность промыслов побуждала всё более заметную часть домохозяев отказываться от наделов, размеры которых определяли величину государственных, земских и мирских налогов. Ясно, что такие отказы от наделов больше распространялись в районах с высокой промысловой активностью крестьян [22, с. 156]. Но и в черноземных губерниях накануне столыпинских реформ такие явления не были редкостью. Привычное деление крестьянских хозяйств на бедное, среднее и богатое в зависимости от величины земельного надела теряло свою актуальность. Денежные доходы от промыслов безземельного крестьянина всё чаще давали возможность покрыть возможные потери от недостатка земли. Разумеется, отчуждение крестьянства от надельной земли было явлением противоречивым, нередко болезненным. Господство общинных порядков мешало развитию свободного выбора хозяйственной деятельности. Воспетая Г. И. Успенским «власть земли» по-прежнему определяла атмосферу деревенской жизни. Расставание с земледелием тяжело травмировало духовный мир крестьянина.

Тем не менее неземледельческие промыслы играли всё более существенную роль в жизни воронежского крестьянства и, что очень важно отметить, роль модернизирующую. Благодаря промыслам происходили позитивные социальные сдвиги. Постепенно сокращалась избыточность аграрного населения, более современной становилась структура населения губернии. Менялась в лучшую сторону общая и правовая культура крестьянства. Меньше в промысловых селах было пьянства, так как меньше было бесцельного досуга. В одном только Бирюченском уезде, как подсчитали местные земцы, пропивалось в год в бездеятельное время до 500 тыс. руб. Значение промыслов воз-

растало и потому, что они позволяли с успехом компенсировать дефицит земли, толкая крестьян от косности и рутины натурально-потребительского земледелия к предприимчивости и развитию. Повышалась заинтересованность народа в грамотности и правовых знаниях – без них успешный отход был проблематичен.

Отход многому учил. Но он, конечно, нес не только позитивные перемены. Побывавшие в длительном отходе крестьяне несли с собой и болезни, в том числе социальные. Нарушались привычные связи и традиции. Длительные отлучки наносили чувствительные удары по семейным отношениям. Меньше стало почтительности по отношению к старикам. За этими негативными сторонами промыслов стояли объективно необходимые изменения в крестьянской жизни. И не только в ней. Всё более властным регулятором социальных отношений становились деньги. Земледелец-общинник имел весьма скромные потребности, определявшиеся натурально-замкнутым характером его хозяйства. А вот почувствовавшие вкус заработка крестьяне быстро расширяли круг своих запросов. Промыслы развивали вкус к доходам. Поэтому скоро обнаружилось, что промысел промыслу – рознь. Большинство отходников добывали скромные заработки тяжелым трудом где-нибудь на шахтах Бахмутского уезда. Но появились и преуспевающие «промышленники». Среди состоятельных крестьян (особенно из бывшей государственной деревни) появились владельцы внушительных мельниц стоимостью до 2000 руб. А крестьянин слободы Бутурлиновки Бобровского уезда И. С. Баточкин сумел завести скорняжное и овчинное производство с годовым доходом до 25 000 руб. [10, с. 51].

Развитие крестьянских промыслов было социально-экономическим явлением переходного порядка. Оно свидетельствовало о начале очень болезненного, но исторически неизбежного процесса вывода из деревни значительных масс крестьянского населения, понижения его доли в составе российского общества. Причем наиболее восприимчивыми к новациям являлись многоземельные и безземельные крестьяне. Именно эти два полюса были склонны расстаться с традиционными формами земледелия. С них начинался чрезвычайно трудный, но исторически неизбежный процесс перехода от аграрного общества к обществу индустриальному. В пореформенную эпоху история русского раскрестьянивания только начиналась.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАВО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 2672. – Л. 12.
2. Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда / А. И. Шингарев. – Саратов, 1901.
3. Рындин Ф. К. Наш край. Опыт характеристики Воронежской губернии в историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях / Ф. К. Рындин. – Воронеж, 1921.
4. Менжулин В. П. Географическое положение Бирюченского уезда, его топография и историческое развитие / В. П. Менжулин // Памятная книжка Воронежской губернии. 1893. – Воронеж, 1893.
5. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М., 1993.
6. Щербина Ф. А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду / Ф. А. Щербина. – Воронеж, 1887.
7. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. – Воронеж, 1999.
8. ГАВО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 2232. – Л. 146.
9. Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. – 1915. – № 1.
10. Перепелицын А. В. Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период / А. В. Перепелицын. – Воронеж, 2005.
11. Шванебах П. Х. Наше податное дело / П. Х. Шванебах. – СПб., 1903.
12. Бурдина О. Н. Крестьяне-дарственники в России 1861–1907 / О. Н. Бурдина. – М., 1996.
13. Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. – Воронеж, 1914.
14. Тезяков Н. И. Отхожие промыслы в Воронежской губернии / Н. И. Тезяков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. – Воронеж, 1904.
15. Скиада М. М. Производство крестьянских сапог в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии / М. М. Скиада // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–79 год. – Воронеж, 1879.
16. Перелешин В. А. Кустарные промыслы в Воронежской губернии / В. А. Перелешин. – Воронеж, 1902.
17. Щербина Ф. А. Рабочие силы крестьянского населения Воронежской губернии / Ф. А. Щербина // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. – Воронеж, 1896.
18. Для крестьянина : сб. статей и сведений, полезных в деревенском обиходе. – Воронеж, 1912.
19. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч. 1.
20. Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. – Воронеж, 1913.
21. Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле / А. А. Кофод. – СПб., 1905. – Т. 1.
22. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России (1850–1880 гг.) / П. Г. Рындзюнский. – М., 1978.

Воронежский государственный университет

Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России

E-mail: m-karpach@mail.ru

Тел.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Russian History Department

E-mail: m-karpach@mail.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14